

Книги Дмитрия Шелега
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«ЖИВОЙ ЛЕД»

**НАСЛЕДНИК СТАРОГО РОДА
ОХОТНИК НА ДЕМОНОВ
БОЯРИЧ МОРОЗОВ
КАДЕТ МОРОЗОВ
ГЛАВА РОДА**

ПРОЛОГ

Последние числа мая выдались на редкость жаркими.

— Градусов под тридцать, — снимая фуражку и вытирая со лба пот заранее припасенным платком, заявил Годимир, а затем посмотрел на меня и расплылся в довольной улыбке: — Морозов, я тебя просто обожаю, передвижной ты наш кондиционер! Нужно было тебя с собой в расположение взять, а не оставлять здесь.

— Что, не мог сам заклинанием воздуха освежиться, пока туфли чистил? — поддел Огнеяра Алексей Песков. — Или только боевка хорошо получается?

Годимир посмотрел на него ироничным взглядом и произнес:

— Как я вижу, несмотря на громкие заявления, ты и сам почему-то тут трешься, вместо того чтобы использовать заклинание воздуха. Не можешь охладиться?! Или у кадета Пескова только боевка хорошо получается?

— Тут прохладно, свежо и очень даже шикарно, — ничуть не смутился пятнадцатилетний парень, который за последний год серьезно вытянулся и набрал достаточное количество мяса на свой тощий скелет.

Годимир выглядел не хуже. Он тоже серьезно изменился, стал выше Алексея, однако остался несколько уже его в плечах.

«Вот что делают животворящие физические нагрузки и свежий воздух!» — подумал я.

В принципе ничего удивительного в произошедших с мальчишками переменах не было. За два года серьезного обучения с усиленными нагрузками все кадеты хорошенько подтянулись в физическом развитии, да к тому же для подобных перемен было самое время. Мы все старше пятнадцати лет, а значит, уже не сопливые мальчишки. Нет, мы как минимум юноши, а некоторые, судя по их хвастливым рассказам, настоящие мужчины. Во что я, кстати, верил, так как Феофан с какой-то непреклонностью подкладывал мне в постель все новых и новых красивых молодых женщин.

По его словам, такой опыт в интимных отношениях позволит мне избежать так называемой медовой ловушки, которая представляет собой игру сексуально раскрепощенных обольстительниц с молодым, гормонально неустойчивым юношей для использования последнего в своих целях.

— Вот и нечего, стало быть, умничать! — наставительно поднял палец вверх Годимир, отвлекая меня от приятных воспоминаний о прошедших каникулах.

Ребята продолжали говорить на отвлеченные темы, пока к нам не присоединился Витовт, который ходил встречать отца.

— Ох и хорошо же, — заметил он довольным тоном, оказавшись рядом со мной. — Фух, надеюсь, здравый смысл возобладает и нам разрешат снять кителя и остаться в белых рубашках, иначе я от этой жары просто сохну.

— Тебе стоит только намекнуть кому надо, — подмигнул ему Огнейр, — и начальник училища тут же об этом задумается. Потому что ну действительно жарко. Хорошо у нас во взводе Иван есть. Рядом с ним комфортно, а если бы не было?

— Нужно, чтобы Грозовой небольшой дождик призвал, — заметил кто-то лениво. — Он же это умеет. Тогда сразу всем стало бы прохладней.

— А потом мы стояли бы на плацу, словно в бане, — как на идиота, посмотрел на говорившего Огнеяр. — Пять минут на такой жаре, и дождевой воды уже не будет.

— Ну, тогда нужно Льда просить, чтобы он устроил здесь небольшой филиал зимы, — ничуть не смутившись, мечтательно протянул парень. — Только без снега, он же так умеет.

«Лед» — это мое новое прозвище, употребляющееся наравне с именем и фамилией. Не помню, правда, в какой момент меня стали так называть. Это произошло само собой где-то в конце первого курса, однако никаких негативных эмоций прозвище у меня не вызывало, поэтому я не сопротивлялся.

Вместо ответа сформировал где-то в метре над головой умника не так давно освоенное закливание, и на парня посыпались крупные снежинки. Через пару секунд сидящий на лавочке кадет оказался завален большим слоем снега.

— Эй! Я не это имел в виду! — возмущенно подскочил парень, и окружающие дружно рассмеялись.

— Хотя на самом деле... — Он повел плечами, стряхивая остатки снега, и улыбнулся. — Так вообще шикарно. Освежает.

— Вот чего вы все время ржете-то? — услышал я голос Воденцова, которому буквально на днях присвоили очередное воинское звание. — Как оставишь вас одних, вы все ржете и ржете! У кого в родовых способностях есть применение веселящего газа?! Ну-ка признавайтесь!

Погоны на парадной форме Воденцов уже поменял на майорские, значит, успел не только парадку в порядок привести, но и «проставиться» за звание, отдав «должок» воинскому коллективу: тут с этим жестко. Традиция. Вспомнил, сколько водки жрет Дубовой, и мне команди-ра даже как-то жалко стало. Столько денег потратил!

— Ну как же нам без смеха? У нас вообще-то выпуск, господин майор! А это значит — полная свобода, сон дома, возможность посещения балов и других интересных мероприятий! — произнес Витовт.

— Ну, уж у кого у кого, а у вас точно не будет свободного посещения балов, — с хохотом заметил Воденцов, и мы снова засмеялись.

— Тяжела доля наследника империи, — глубоко вздохнув, произнес Витовт и улыбнулся. — Не на все балы могу попасть, хорошо хоть на ритуале выпуска своего курса странным образом оказался.

Через мгновение его лицо как-то разом погрузнело.

— В этом мне действительно повезло. Не все до этого дня дожили.

Смех и шутки тут же затихли. Парни резко посерьезнели и насупились.

Тот день оставил в душах ребят слишком серьезный отпечаток. Не удивительно. Тогда они впервые увидели, что такое настоящий бой — смерть, грязь, кровь и разрушения. Они много убивали, отбивали штурмы, боролись за свою жизнь, теряли друзей и мысленно готовились к смерти... как признавались мне потом многие. После гибели Каменецкого и Страха они ждали смерти и не думали, что смогут продержаться хотя бы до прихода подмоги. И все же ребята решили бороться до конца.

Возведенный мной вокруг расположения «ледяной купол» был для них совершеннейшей неожиданностью. Ребята ждали, что вскоре оставшиеся в живых демоны начнут прорубаться к ним. Поэтому они серьезно удивились, услышав шум боевых вертолетов и выстрелы из пулеметов.

«Неужели долгожданная подмога?» — напряженно думали кадеты.

Годимир сказал мне, что, несмотря на то что ребята ожидали увидеть группу спасения, смертельно опасные

заклинания все равно были готовы сорваться с их рук и жезлов. Даже то, что пробивающиеся сквозь лед переговаривались на носирианском и уверяли, что они сотрудники Мариградского спецназа, ничего не решило. После сатира с человеческим лицом мальчишки резонно ожидали чего угодно...

Меня обнаружили лежащим в обнимку со здоровенным сатиром, шею которого я сжимал так сильно, что бедняга просто-напросто задохнулся.

Этому рассказу я не поверил даже после показа мне кадров оперативной съемки со шлемофона одного из бойцов спасательной группы. Сомневаюсь, что подобного физического воздействия достаточно для убийства столь сильного и опасного противника. Очень сомневаюсь. Это существо совсем другого порядка.

— В колонну по три — становись! — наконец командовал Воденцов, отвлекая меня от воспоминаний, и, наблюдая за тем, как мы строимся, тихо произнес: — Время.

Из старой гвардии взводных офицеров с нами остался только он. Каменецкого убил сатир во время нападения, а командира второго взвода разжаловали до лейтенанта и отправили на границу воевать с Республикой Кога.

Трибунал в таких случаях проявлял беспощадность. Суду удалось выяснить, что взводному было известно о неправильных действиях подчиненного сержанта, который, нарушая инструкции и план охраны и обороны, систематически покидал расположение взвода ночью и отправлялся решать свои амурные дела. Из-за чего подразделение осталось без руководства, не смогло полноценно самоорганизоваться и понесло потери еще до начала основных боев.

Прибывшие на замену командиры взводов были «пожиже» предыдущих и имели звание старших лейтенантов, именно поэтому всем руководил Воденцов.

— Шаго-ом марш! — громко и четко скомандовал майор, и колонна из трех подразделений уверенно двинулась вперед.

— Ух, сколько народа, — сказал кто-то позади меня, когда наш строй шел через стоящую за ограждением толпу.

Через какое-то время мы наконец вышли на огромный плац, который был раз в восемь больше, чем в предыдущем пункте дислокации училища.

Сиротливо заняв место напротив огромных флагштоков и небольшой трибуны, мы оказались в центре праздника жизни. Точнее — мы являлись основными участниками предстоящего действия, остальные были лишь добровольными зрителями, удобно расположившимися на разборных трибунах, установленных по периметру плаца.

После произошедших во время прорыва демонов трагических событий, а также разразившейся из-за этого череды скандалов, поднятых не только родными погибших бояричей, но и теми, чьи отпрыски чудом сумели выжить, руководство страны экстренно перевело кадетов в самое безопасное место — на территорию Военной академии Носирианской империи.

К сожалению, теперь у нас не было ВИП-обеспечения с отдельной комнатой для каждого, вместо этого нам предложили казарму, на одном этаже которой довольно компактно расположились сразу три взвода. Благо хотя бы кровати стояли в один ярус и тумбочка была у каждого своя.

Подобные изменения не могли не сказаться на взаимоотношениях внутри нашего коллектива. Если раньше некоторые кадеты вообще не общались друг с другом из-за нахождения в разных взводах, то теперь проживание в казарме нас подружило и сплотило...

Мои мысли прервало появление на плацу начальника училища архимага Грозового, ради особого случая одетого в парадный мундир генерал-майора.

— Готовность номер один, — сказал он тихо, занимая место перед строем, и через пару минут скомандовал: — Равняйся! Смирно! Равнение направо!

После доклада о готовности к проведению ритуала торжественного выпуска учащихся Императорского кадетского училища Изяслав поздоровался с нами.

— Здравия желаем, ваше императорское величество! — громко и четко ответили кадеты, и после команды «вольно» высокие чины направились к трибуне.

На моем лице появилась довольная улыбка.

«Ну наконец-то! Скоро выпуск! Долгожданная свобода!»

ГЛАВА 1

— Прежде чем приступить к ритуалу торжественного выпуска из стен училища, я хотел бы попросить вас почтить минутой молчания память погибших во время вероломного нападения демонов кадетов и офицеров, — тихим голосом произнес император, подходя к микрофону, и территория академии тут же погрузилась в тишину. — Спасибо, — тихо произнес император, и слово перешло к начальнику училища, который пригласил на трибуну каких-то высокопоставленных гостей.

Мероприятие проходило согласно заранее утвержденному плану. Мы с Витовтом под звуки гимна подняли государственный и ведомственный флаги, после этого слово предоставили императору, который говорил много идеологически правильных вещей: о том, как он гордится подрастающим поколением защитников отечества, о том, что наша молодежь пример всему миру, о том, как он рад, что и его сын тоже стоит в строю выпускников.

В конце своей речи Изяслав не забыл упомянуть о коварстве вероломных соседей, ударивших в спину нашему государству, которое, как форпост, стоит на защите мира от полчищ демонов, проживающих в пустошах.

«Выпуск сына — хорошо, а политика по расписанию?» — мысленно хмыкнул я.

После императора слово взяли министр обороны, начальник генерального штаба и еще несколько высокопо-

ставленных чиновников, которые произносили стандартные для такого мероприятия речи.

Потом, когда мы должны были двинуться торжественным маршем, слово неожиданно для многих снова взял министр обороны — статный крепкий мужчина в дорогом костюме.

Когда я узнал, что в Носирианской империи эту должность занимает гражданский человек, мне это показалось очень странным, все же мой предыдущий опыт службы в вооруженных силах подсказывал, что на таком ответственном месте должен стоять кадровый военно-служащий. Однако брошенная Витовтом фраза: «Война слишком дорогое дело, чтобы доверять его военным», — заставила меня серьезно задуматься.

— Уважаемые друзья, — начал министр. — Из-за эскалации приграничного конфликта на восточном направлении с Танзинийским королевством и Республикой Кога, а также в связи с длительным расследованием произошедшего недалеко от предместья Антоновка прорыва демонов мы не сумели своевременно отметить подвиги наших кадетов, которые, столкнувшись с серьезно превосходящими силами противника, не только не дрогнули, но и сумели отбить несколько массированных штурмов, а потом продержаться до подхода подмоги.

«А вот это интересно!» — заинтригованно подумал я.

До сегодняшнего дня все сведения о произошедшем были строго засекречены. Понятное дело, родственники кадетов обладали определенной информацией, что-то знали и некоторые бойцы спецподразделений, и гражданский персонал различных служб, оперативно прибывший на место. Ведь неслучайно в СМИ просочились некоторые интервью очевидцев, в общих чертах, без особых подробностей описывающие произошедшие события и, кстати, двухметровый «ледяной купол», окружив-

ший расположение со всех сторон. Его было сложно не заметить.

«Видимо, император решил, что ритуал выпуска — это отличная возможность озвучить официальную версию случившегося. Основной накал страстей уже спал, родственники погибших немного отошли от горя, да и на повестке дня в стране совсем другие новости, однако о нападении нужно сказать, так почему бы не сейчас?»

Министр начал рассказывать о том, как неожиданно для всех демоны стали появляться на территории училища и на территории прилегающих к нему государственных учреждений. О том, как многочисленный гарнизон, в том числе охранявший кадетов, вступил в неравную схватку с превосходящими силами противника и оттянул на себя значительную часть нападавших, давая возможность воспитанникам училища подняться по тревоге, экипироваться и подготовиться к бою.

«Немного не так все было, ну и ладно, я не гордый».

— Однако прикрывали ребят не только действующие военнослужащие, но и четверо кадетов второго взвода, стоявшие насмерть под слаженным ударом демонов, — продолжил министр и зачитал имена и фамилии павших мальчишек, после чего пригласил представителей их родов и вручил медали «За храбрость в бою».

— Эти награды не вернут нам наших детей, — сухо произнес император после награждения. — Однако мы обязаны отметить их подвиг и мужество. Они настоящие маленькие герои, и я скорблю, что им не удалось выжить...

После первого награждения министр довольно подробно рассказал о прорыве третьего взвода к расположению первого. О том, как мы со Страхом отправились за ребятами из второго взвода. Как не сломленные гибелью друзей кадеты дали отпор довольно большим отрядам демонов.

Добавил, что в бою с высокоранговыми демонами погиб заместитель начальника училища — богатырь Кром, который уничтожил большую часть смертельно опасных противников и многих ранил, однако это не помогло капитану Каменецкому и многократно раненному сержанту Страху, которые погибли, выгадывая для кадетов лишние минуты на укрепление обороны расположения и отражение массированного штурма. Как находящиеся на огневых точках временные командиры, назначенные капитаном, в том числе и Витовт, руководили действиями кадетов и отражали штурмы демонов на своих участках.

— Атаки были отбиты, однако не все кадеты смогли пережить эти затяжные бои, — продолжил министр и добавил: — Для награждения к трибуне приглашаются...

Помимо родственников павших кадетов к министру обороны вышли родные Крома, Каменецкого и Страха.

Заметив, что награды за капитана и сержанта получали заплаканные женщины в черных платьях и с детьми на руках, я сделал себе пометку разузнать об их жизни и при необходимости помочь.

«Зря я раньше не поинтересовался, были ли у них семьи, — подумал с досадой. — Возможно, они остались без средств к существованию».

Когда получившие награды родственники ушли, министр продолжил повествование.

«Будет рассказывать или нет? — заинтригованно подумал я. — Если да, то во что хочет втянуть меня Изяслав? И что я ему буду должен? Те дивиденды, которые я получил от публикаций в СМИ, уже стоят немало, что же будет после официального награждения?»

— После смерти командиров кадет Морозов пошел на самоубийственный поступок: использовав зелье на основе пылицы нурксултана, он накрыл расположение максимально возможно толстым слоем льда, чем спас обессилевших и магически истощенных кадетов от верной

гибели, а затем, вступив в бой с выжившими демонами, чуть не умер сам...

Каждый из нас получил медаль «За храбрость в бою», а еще Орден святой Екатерины — одну из высших наград страны.

— Становись! Равняйся! Смирно! К торжественному маршу — готовься! — наконец прозвучали команды Грозового. — Повзводно! Направо! Шагом марш!

Когда мы подходили к трибуне, на которой сидели император Изяслав и другие высшие чины империи, Годимир громко скомандовал:

— Счет!

— И-и-и раз! — дружно крикнули мы и, опустив руки по швам, одновременно повернули головы в сторону начальства.

— Счет!!! — повторно скомандовал Годимир, после того как мы прошли трибуну.

— И-И-И ВСЕ! — еще громче рывкнули мы, и в небо взмыли сотни монет, до этого момента крепко зажатых в руках.

— На месте! — скомандовал Воденцов, когда взвод подошел к выходу с плаца. — Стой! — И, выдержав паузу, торжественно закончил: — Вольно! Разойдись!

Пока мы с ребятами обнимались и поздравляли друг друга, к нам стремительно двинулись многочисленные родственники и близкие.

— Все расходимся! Еще встретимся сегодня на балу и наговоримся! — сказал я окружавшим меня ребятам и двинулся к многочисленному семейству Темниковых, члены которого тут же принялись дружно меня поздравлять.

— Спасибо, спасибо, спасибо! — говорил я, улыбаясь, пожимая протянутые руки и принимая похлопывания по плечам от братьев и поцелуи в щеки от сестер.

«О, да у нас некоторые изменения в составе поздравляющих!» — заинтригованно подумал я, вспомнив количество Темниковых на моей присяге.

Во-первых, с отцом теперь по понятным причинам не было Галины. Во-вторых, довольно свободно чувствовал себя наставник — как мое доверенное лицо и начальник службы безопасности. И в-третьих, среди Темниковых находилась новая личность — маркиза Марина Лисовская, представительница «серебряного» рода и невеста Федота.

Словно подчеркивая свою фамилию, девушка имела необычные огненно-рыжие волосы и милые веснушки. Красивые черты лица, звонкий смех и миниатюрная фигурка шли в комплекте.

С Федотом она обручилась месяца три назад, что стало совершеннейшей неожиданностью для всех, кроме отца.

Даже Руслан, который жил вместе с Федотом в столичном доме Темниковых, не знал об этом ничего. Возможно, кое-что мог заподозрить Игнат, но после начала приграничного конфликта его призвали в вооруженные силы, чем он, кстати, был очень сильно недоволен, но и отказаться от службы без потерь для репутации также не мог.

Почему от Темниковых призвали только Игната? Тут все очень просто. Отец — глава рода. Он, конечно, мог пойти добровольцем, но не стал этого делать. Федот — наследник рода, ситуация та же, да и не настолько ужасное положение на фронте, чтобы призывать высокопоставленных представителей «золотых» семей. Игнат уже завершил учебу и маялся от безделья, а Руслан еще был несовершеннолетним. Вот, в принципе, и все. Понятное дело, что выбор вполне себе обдуманый и взвешенный.

Холодно пожав руку молчаливого отца, я вместе со всеми двинулся в сторону стоянки, попутно отбиваясь от приглашений посетить столичный дом Темниковых.

— Какая кошка между вами пробежала? — тихо спросил Федот, отведя меня чуть в сторону. — Я, конечно, понимаю, что у тебя есть все основания обижаться на отца, но уже столько времени прошло! К тому же он ведь был отравлен. Гораздо лучше, если вы оба забудете прошлое и начнете смотреть в будущее. У нас в большой столовой накрыт шикарный стол, девочки ждут, что ты придешь! — Брат посмотрел на свою невесту. — И Марина тоже.

— Я не обижаюсь на него, — глянув на брата, произнес я. — Поверь. Мне казалось, что мы оба прошли тот этап, но он своими действиями пытается снова все испортить. Я не могу пойти с вами, пока не буду чувствовать себя в полной безопасности.

«Ну вот что ты за идиот? — подумал я, встретившись взглядом с главой рода Темниковых. — У нас же все было отлично: общие интересы, обоюдовыгодное сотрудничество! Зачем ты решил все испортить и влез между мной и Феофаном?»

Успешно отбившись от посещения столичного дома, я услышал слова отца:

— В таком случае в семь встречаемся в главном зале дворца. Не забудь приколоть к парадной одежде врученные награды.

Досадливо цокнув, я кивнул, а после, пообещав родным встретиться на балу в назначенное время, сел в автомобиль.

— Ну что, еще раз поздравляю с выпуском, — произнес наставник, довольно вытягиваясь на заднем сиденье автомобиля, а затем перевел взгляд на мою форму и добавил: — И с наградами тоже. У твоего деда, кстати, та-

кой же орден был. Хорошо, что ты пошел по его стопам, но я бы предпочел, чтобы тебе вручали награды за заслуги другого рода.

— Ты же знаешь, что у меня просто не было выхода! — тяжело вздохнув, произнес я, когда понял, о чем он говорит. — Я мог только использовать пыльцу и умереть в бою или остаться без сил и погибнуть. Возможно, и на алтаре.

— Первый вариант как-то веселее выглядит, — заметил наставник, так же тяжело вздохнув.

И я вспомнил, как, очнувшись после двухнедельной комы, увидел его сидящим возле моей койки в больнице.

Старик, упершись локтями в колени, обхватив руками низко опущенную голову, беззвучно плакал, крупные капли стекали по лицу и аккуратной бороде.

Я был так поражен происходящим, что не заметил, как почувствовавший что-то Феофан поднял голову и посмотрел мне в глаза.

— Мне плевать, кто ты... — каким-то глухим голосом сказал он. — Настоящий Иван или тот, кто пришел вместо него. Просто живи. Живи, и все.

— О чем ты?! — искренне спросил я, ощущая дикую слабость во всем теле и совершенно не понимая, что происходит.

Из горла вырвался какой-то неразборчивый хрип, поэтому наставник поспешил подать мне стакан воды.

Жадно выпив его, я удовлетворенно откинулся на небольшую подушку и прикрыл глаза.

«Хорошо, — подумал я, а затем до меня дошел истинный смысл фразы наставника. — Что значит «настоящий Иван или тот, кто пришел вместо него»? Он что-то узнал, но что? И как мне у него все выведать?»

— Обманул, скотина! — тем временем злобно ухмыльнулся Феофан, с силой сжимая кулаки. — Обманул в который раз, и я поверил! Подумать только!

— Может, все же расскажешь, о чем ты? — ощущая слабость, но не позволяя себе расслабляться, спросил я. — Кто тебя обманул?

— Давай я лучше позову целителей, — встрепенулся наставник, потянувшись к пульту вызова медицинского персонала, но я поспешил его остановить. — Нужно сказать, что ты очнулся!

«Ага, конечно, — недовольно подумал я. — Меня отправят спать, а ты в таком состоянии пойдешь вершить правосудие и непонятно, что еще узнаешь».

— Не надо никого вызывать, — остановил я Феофана. — Лучше объясни, что за непонятные вопросы? А то буду считать, что единственного преданного мне человека настроили против меня. И от этого мне станет еще хуже.

— Прости, Ванечка, прости, — неожиданно упал на колени наставник и, уткнувшись мне в руку, заплакал. — Прости старого предателя. Прости.

«Это так его задела фраза «единственный преданный человек» и настроила против меня? — с недоумением подумал я. — Или выбило из колеи то, что я почти умер? Кстати, действительно! А почему я не погиб? Я же думал, что после пыльцы нурксултана мне конец! Я же не справлялся с объемом восполняющегося резерва! Ладно. Потом об этом подумаю, сейчас есть кое-что поважнее!»

— Феофан! Ты чего?! — ошарашенно произнес я, пытаюсь выдернуть свою руку. — Ты что творишь, родной? Мне сейчас точно хуже станет. Ну-ка вставай и рассказывай, что произошло. Давай, а то я не могу на это смотреть.

При слове «родной» наставник как-то встрепенулся и дернулся, затем поднял на меня мокрые от слез глаза, вытер их рукой и, сев на стул, медленно принялся рассказывать.

О том, как он поехал по моему поручению в поместье Темниковых, как отец выдал ему для изучения выписку из какого-то сборника запретных ритуалов, который хранился у погибшего Морозова. В предоставленных записях говорилось о возможности воскрешения человека, при самопожертвовании проводящего ритуал мага, который вселяет в тело новую душу. Феофан не поверил в это, но для себя решил, что, даже окажется подобное правдой, все равно бы ни за что меня не бросил.

После того как он принял это решение, выяснилось, что в районе училища произошел прорыв демонов и я в тяжелом состоянии нахожусь в реанимации, где, как оказалось, пролежал целых две недели.

В этот день, как и несколько дней до этого, Феофан сидел у койки в частной больнице и молился Спасителю о моем выздоровлении. Произнося те идущие из души слова, он мониторил меня всеми возможными при его ранге способами и видел лишь искреннее недоумение. А это значило, что Егорка цинично его обманул. Темников почему-то пытался нас рассорить, и у него это почти получилось.

Покрывшись холодным потом, я возблагодарил Спасителя за то, что в первые секунды после своего пробуждения вообще ничего не понимал, иначе все могло обернуться достаточно скверно, а мне пока нельзя терять Феофана! Никак нельзя! Я еще слишком слаб!

«А может, я не сразу догадался о подоплеке слов наставника только потому, что уже не разделял две сущности, живущие в этом теле? Кажется, я давно решил для себя: «Я — Иван Морозов, и точка!»

— Твое поведение крайне непривычно, — заметил я, исподлобья бросая на наставника настороженный серьезный взгляд, который заставил его встрепенуться. — Знакомый мне Феофан не раскис бы от подобных новостей. Скорее, он забрал бы у отца не только выписку с

ритуалом, но и весь сборник. И выведал бы, зачем Темникову нужно нас ссорить.

— Прости, Иван, — снова чуть не расплакался наставник. — Прости! Стар я стал! Совсем стар!

Я еще больше насторожился, догадавшись, что с Феофаном действительно что-то сильно не так, и, посмотрев ему в глаза, продолжил.

— Это явно не старость, — с сомнением покачал головой, вспоминая, какие эффектные женщины еще недавно задерживались в комнате наставника.

Несколько минут размышлений, и я вспомнил последний день Галины Беловой и то, как отец потрошил ее память. Она призналась, что отравила его каким-то невероятно редким ядом.

«Мог ли отец выведать у Галины рецепт зелья и воспользоваться им?» — задумавшись, я спросил у наставника:

— А ты, случайно, ничего не ел и не пил в поместье Темниковых?

Феофан посмотрел на меня прозревающим взглядом и как-то растерянно произнес:

— Но я не почувствовал для себя никакой опасности! Легкая тревога у меня, конечно, была, но она постоянно присутствовала после твоего воскрешения.

— Срочно едешь в лигу магов и заказываешь самый сильный очищающий ритуал. Если нужно, то несколько. После чего приезжаешь назад, хочу поговорить с тобой, когда ты станешь нормальным. И это... — Я сделал глубокий вдох и прикрыл глаза. — Вызови ко мне какого-нибудь целителя, кажется, мне снова стало хуже...

Прежде чем я потерял сознание, меня посетила внезапная мысль.

«Зачем отец сначала вернул мне наставника, позволив ему быть моим доверенным лицом, а сейчас пытается убрать? Это же нелогично! Для чего он все это задумал?»

ГЛАВА 2

— Как там дела на Мозырском заводе? — спросил я у Феофана после того, как мы приехали домой, привели себя в порядок и засели в моем кабинете. — Закончили модернизацию?

— Чтобы ответить на этот вопрос, мне необходимо сходить за ежедневником, — произнес он, пытаясь встать.

— Давай своими словами, обойдемся сегодня без конкретики, — махнул я рукой. — Меня интересует, готов завод к выпуску продукции или нет.

— Насколько мне известно, вчера закончили устанавливать последнюю линию, — задумчиво произнес наставник. — Хотя там у них возникли какие-то небольшие проблемы. Москаленко ничего мне еще не говорил, но до этого клялся, что все успеют в срок. Думаю, завтра будет звонить тебе и докладывать об успехах. Сам знаешь, как он любит рапортовать о достижениях и не терпит намека на неудачу.

Называя фамилию одного из моих генеральных директоров, Феофан выглядел крайне довольным. И все потому, что именно он перетянул его и других ценных специалистов с небольшого завода Темниковых на мое новое предприятие. Да и вообще то, что мои сказанные вскользь слова превратились в весьма прибыльный бизнес, его заслуга.

Пройдя несколько ритуалов очистки и заплатив огромные деньги лиге магов, Феофан вывел из своей крови отраву, которой его потчевал отец, и вернулся ко мне в палату таким же, как и прежде: сильным, бодрым, энергичным и весьма злым.

— Я порву его, — с порога заявил он мне. — Просто порву.

Его крупные пальцы сжались в огромные кулаки, и завершивший свой визит целитель несколько побледнел.

— Я надеюсь, это ты не про Петра Иосифовича, — улыбнувшись, спросил я, кивнув на мужчину в халате. — Он не просто так принял решение запретить посещать меня несколько дней. Все это время целители вытягивали из моей крови всякую дрянь и пытались стабилизировать состояние.

— Прошу прощения, — произнес наставник, обращаясь к целителю. — Конечно же это я не вам. Вы позволите пообщаться с Иваном наедине?

— После ваших первых слов я не думаю, что имею возможность запретить это, — хмыкнул мужчина в свои пышные усы.

— Еще раз извините, — произнес Феофан и, дождав­шись, когда пришедший в себя мужчина выйдет, сел на стоящий рядом с моей кроватью стул. — Я его все равно порву! — уверенно заявил он мне.

— Да успокойся ты, — улыбнулся я, радуясь возвращению прежнего Феофана. — Рвун. Так не понравилось быть сентиментальным? Лучше расскажи, как себя чувствуешь?

— Хреново! — честно ответил наставник.

— Это почему же? — удивился я. — Выглядишь просто отлично.

— Сейчас, конечно, все хорошо, — произнес Феофан и поморщился. — Но меня злит то, кем я был три долгие недели! Кем?! Никогда не думал, что буду вести себя как тряпка и размазня. Мало того что я тебе душу изливал, как идиот. Так я еще много дел наворотил...

Заметив мой взгляд, он добавил:

— Не переживай, на твоем бизнесе это никак не отразилось. Я вообще на все забил...

Рассказав о некоторых не лучших моментах уходящего месяца и о том, сколько дряни из него вытянули на ритуалах и какую цену взяли, наставник встрепенулся:

— Ну а ты как?

— Сам видишь, — показав относительно чистые руки и лицо, произнес я. — Синих полос уже почти нет, кровь от токсинов и прочей дряни очистили. Ликвидировали отравление inferнальной энергией, которая мешала нормальному восстановлению. Срастили кости, подлечили отбитые внутренние органы и справились с сотрясением мозга. В общем и целом чувствую я себя очень даже хорошо. Духовную и магическую энергии ощущаю нормально, но пользоваться ими пока нельзя, сказали поберечься. Хотя, если честно, я уже понемногу медитирую.

Говорить наставнику о существенных изменениях в своем внутреннем мире я не стал. Решил сначала самостоятельно разобраться в том, что произошло.

Подробно обсудив мое состояние и перспективы выздоровления, мы вновь вернулись к причине ярких эмоций наставника.

— Не надо никого рвать, — произнес я, еще раз тяжело вздохнув. — Несмотря на то, какой отец мерзавец, мне все равно придется иметь с ним дело. Нравится нам это или нет. На него слишком многое завязано. Вместо того чтобы обострять конфликт взаимными оскорблениями, провокациями и скатываться к прямому противостоянию, мы должны ответить так же тонко, как и он. Например, перетянуть на свою сторону очень ценного специалиста, а лучше нескольких, или обеспечить ему какие-то финансовые потери. Это будет куда более показательно. Мне кажется, он все сделал намеренно, чтобы отследить мою реакцию и понять границы дозволенного.

— Хм... — Наставник задумался и через некоторое время признался: — Я даже не представляю, как к этому

подступить. Для того чтобы определить действительно ценного специалиста, необходим профессионал в экономической сфере. А это, как ты понимаешь, не совсем моя специализация.

— Ну так найди какого-нибудь хорошего специалиста и обеспечь его работой, — предложил я. — У нас же в империи есть какой-то департамент финансовой полиции? Или нечто подобное. Найди там какого-нибудь ценного и умного сотрудника, который давно мечтает снять мундир и уйти на гражданку, в приличное место. Думаю, ты сообразишь, что ему предложить.

— Сделаем, — произнес наставник, покачав головой. — А ведь у меня есть на примете несколько человек, просто за всеми этими обстоятельствами совсем забыл про плановую работу...

Через пару дней невероятно довольный наставник ввалился в мою палату. От него исходило ощущение злого предвкушения.

«Ну что же, с интересом послушаю, о чем он мне поведаст», — подумал я.

— Ты не поверишь! — произнес Феофан, занимая привычное место и глядя мне в глаза. — Оказывается, у Темниковых есть небольшой, но довольно успешный завод по производству мороженого.

— Ну почему не поверю? — задумался я. — Очень даже может быть. Я о чем-то подобном когда-то давно слышал, Анна и Мария хвастались, но какое это может иметь отношение к нам?

— Завод мороженого, — произнес наставник каким-то необычным тоном.

Глянув на мою приподнятую в недоумении бровь, он еще более выразительно произнес:

— Мо-ро-же-но-го!

Видя, что я до сих пор не понимаю, о чем он, добавил:

— Мороженое — тире — Морозов.

— Суть я сразу уловил, ты давай ближе к делу.

«Если наставник имеет в виду наш разговор о перемаживании специалистов, то зачем мне такие умельцы? Завода мороженого у меня нет».

— Да что тут непонятного?! — взорвался наставник из-за моего непонимания. — Морозов должен заниматься производством мороженого! Об этом сама фамилия ненавязчиво говорит. Сам же как-то рассказывал!

Задумавшись, я вспомнил, что действительно когда-то в беседе с наставником и Бышковцом упомянул, что нам необходимо заняться делом, которое граждане страны будут на подсознательном уровне ассоциировать с родом Морозовых. В эту концепцию прекрасно вписывалось производство холодильников, кондиционеров, вентиляторов или, на худой конец, мороженого.

— Ну было что-то такое, — согласился я, поморщившись. — Но какое отношение завод мороженого Темниковых имеет ко мне? У них, кстати, производство комплекующих для холодильников есть.

— Их предприятие имеет к нам прямое отношение — это объект мести.

— Ну, в таком случае поделись-ка со мной своими мыслями, — предложил я. — И как твои планы связаны с мороженым.

— Все очень просто, — заявил наставник. — У Темниковых есть завод, производящий мороженое самого высокого сорта. Еще недавно он давал стабильный, пусть и небольшой доход, но с приходом нового директора, которого поддерживает служба безопасности рода, все изменилось. Занявшись восстановлением трудовой и производственной дисциплины, новый руководитель явно перестарался. Это заставило уйти многих специалистов. Да и показатели производительности упали. В общем, я предложил главному технологу и нескольким другим

ценным специалистам перейти на наш завод. Они согласны, даже не сопротивлялись.

— Отлично все придумал, — не преминул заметить я, поощряя наставника. — Пусть это и не такой серьезный урон, как мы планировали, но чувствительный. Однако есть один маленький вопрос. Где нам взять завод для этих специалистов? Небольшая такая проблемка. Не так ли?

— А вот тут ты неправ! — довольно рассмеялся Феофан и протянул мне документы с готовым бизнес-планом по торговле мороженым.

Там была собрана информация о возможности приобретения конфискованного государством крупного завода, расположенного в пятидесяти километрах от Мариграда, с утрясением всех бюрократических формальностей. Сумма, необходимая на модернизацию производства, с перечислением конкретных станков и линий, которые необходимо заменить. А в конце шла вкладка с готовыми рецептами мороженого, аналогов которого в стране еще не производилось.

— Откуда все это?! — удивленно посмотрел я на наставника.

— Совместный труд четырех увлеченных людей, — произнес Феофан довольно. — Мой, будущего директора завода, будущего главы научной лаборатории и моего предполагаемого заместителя по аудиту. Ты был прав, когда говорил про департамент финансовой полиции. Все сложилось крайне удачно.

— Вот это меня и беспокоит, — заметил я, нахмурившись. — Нужно их всех хорошенько несколько раз перепроверить. Особенно твоего финансиста. Я ведь прав — на конфискованный государством завод указал именно он?

— Обязательно перепроверим, — заверил меня наставник. — Да, подсказка его.

— Постарайся. Мне бы не хотелось отдать кучу денег, чтобы потом оказалось, что все происходящее — интрига отца, решившего вынудить нас хорошенько потратиться, — произнес я. — И, кстати, почему ты считаешь, что завод достанется именно нам? Разве аукцион кто-то отменял?

— Да ты, Иван, я смотрю, совсем от жизни отстал, — довольным тоном протянул наставник. — Прессу не читаешь, новости не смотришь, а ведь там сообщают очень много важного.

— И что же? — заинтересовался я.

— К примеру, интервью некоторых выступивших инкогнито лиц, участвовавших в устранении последствий прорыва демонов на территории предместья Антоновка. Очевидцев оказалось достаточно много, поэтому различные интервью они давали нескольким СМИ и говорили довольно складно и в унисон.

Все эти лица, невзирая на мелкие расхождения в некоторых моментах, уверены, что в отражении нападения не последнюю роль сыграл некий Иван Морозов. Это стало понятно по «ледяному куполу» вокруг казармы с кадетами, демонам, замурованным в «ледяных глыбах», и большому количеству разнообразных, очень острых «сосулек».

— К тому же на одной из фотографий были запечатлены самодельные носилки с твоим бранным телом и Витовтом, который с мрачным видом их тянул. Он был не один, но понятное дело, на кого все окружающие сразу обращают внимание.

— Это значит, что мое имя сейчас на слуху и ситуация обсуждается, — завершил я задумчиво.

— Друг наследника империи и его спаситель, а также представитель «золотого» рода, — произнес Феофан, довольно прищурившись. — Меня уверили, что при продаже завода на аукционе нам пойдут навстречу.

Прикинув, какие в наличии имеются средства, я понял, что мы потянем этот проект, почти не напрягаясь.

— В таком случае начинай работать, — произнес я. — И постарайся, чтобы информация о моем участии в спасении Витовта продолжала муссироваться в обществе до самого открытия завода. Попробуем воспользоваться плодами народной любви. К тому же ближе к лету мы сможем выйти на нормальные мощности, и производство начнет окупаться...

Наша попытка отомстить или, точнее, ответить ударом на удар имела вполне себе прогнозируемые последствия. Где-то через неделю, когда меня уже выписали домой, ко мне заявился Егор Дмитриевич собственной персоной. Несмотря на знакомство с системой безопасности, на этот раз пройти дальше ворот ему не удалось. Наставник психанул и со словами: «Мы должны быть готовы к встрече противников такого уровня», — вложил в защиту просто астрономическую сумму.

— Значит, настолько ты меня уважаешь, что отправил какого-то слугу встречать собственного отца? — с ходу спросил Егор Дмитриевич, после того как лакей завел его в специально подготовленную для переговоров комнату.

— Вполне нормальная практика в боярских родах, когда гостя к хозяину провожает лакей, — пожал я плечами. — А если учесть, что ты хотел войти в мой дом инкогнито, не через парадный вход, какие ко мне вообще могут быть претензии? К тому же не ты ли совсем недавно пытался убедить Феофана, что я самозванец, чужая душа, приютившаяся в теле Ивана? Должен сказать, удивлен, трюк с отравой сработал.

Я сам поднял эту тему, желая показать, что ко мне все эти фантазии не имеют никакого отношения. Да и почему бы не взять инициативу в свои руки?

Желавший что-то сказать отец замолк, а затем, склонив голову набок, произнес:

— Хочешь уверить меня, что ты мой сын?

— Нет, — внутренне напрягшись, словно ступая по минному полю, произнес я и, взглянув в расширившиеся от удивления глаза Темникова, добавил: — Им я был до смерти, несколько лет назад. Теперь я Морозов. Магия рода приняла меня. Осталось пройти обряд эмансипации и стать главой, но это конечно же не сейчас, чуть попозже.

— Хочешь сказать, что ты не наглый попаданец, занявший тело моего сына?! — произнес Темников, и за его спиной появилось облако тьмы.

— Убери ауру, или я тебя успокою, — произнес вошедший в комнату одетый в удобную одежду Феофан, держащий в руке саблю.

— Да ты весьма зол, — произнес отец, посмотрев на наставника. — Обпился какими-то зельями? Собрался убить меня?

— Только если ты будешь неправильно себя вести. Теперь это мое поле боя. Попробуешь качать права с помощью магии — и очень сильно пожалеешь.

— Ты знаешь, зачем я здесь, — серьезно посмотрел на наставника отец. — Я должен вывести его на чистую воду и разобраться в ситуации, а ты, став на его сторону,водишь род Морозовых.

— Закройся! — рявкнул Феофан, и я впервые заметил, как вокруг него формируется какая-то красная аура. — Я проверил его всеми видами чувств. Он — Иван! Настоящий! И он не пытался меня отравить!

— Успокой своего пса, — посмотрел на меня задумавшийся отец. — Помимо этого вопроса нам еще многое следует обсудить.

Несколько успокоившийся наставник отошел, а отец, нахмурившись, произнес:

— К сожалению, я не имею возможности провести подобную проверку, поэтому рад, если все обстоит именно так. Вы должны понять, что я обязан был что-то делать, ведь имеющаяся у меня в руках информация требовала проверки.

— Поэтому понадобилось отравить Феофана? — спросил я и искренне рассмеялся.

То, что отец столь быстро признал свою ошибку и даже попытался оправдываться, успокоило меня и придало немало сил.

— Пусть я ребенок, — резко прекратив смеяться, посмотрел отцу в глаза. — Но не стоит считать меня идиотом. Если у тебя были подозрения, ты мог просто рассказать все Феофану и проверить. Твоя цель заключалась в другом! Думаю, что ты хотел убрать от меня единственного верного человека, который может тебе противостоять. Зачем тебе это? Хочешь влиять на мои решения?

— Мне нужно было проверить тебя. А Феофан никогда не согласился бы мне помочь.

— Отличная логика! — показал я большой палец. — Если кто-то, по моему мнению, не выполнит важную просьбу, то я его отравлю, и это обязательно поможет. Это точно твои мысли. Вероятно, перед приходом сюда ты снова яда Беловой хряпнул?! Что это за чушь?!

— Ты выглядишь довольно убедительным в своем недовольстве, — произнес отец. — Возможно, книга ритуалов врага или старик не использовал знания оттуда?

— Издеваешься над нами?! — Я начал кипятиться. — Какая, пилки, книга ритуалов?! Не делай вид, что дело в этом и у тебя были какие-либо основания так поступать! Просто скажи, зачем ты отравил Феофана!

— Книга ритуалов Морозова у меня действительно есть, — фыркнул отец и сам начал кипятиться. — И не смей так со мной разговаривать! С чего ты решил, что я буду отчитываться перед тобой?! С чего ты только это

взял?! Думаешь, я боюсь этого старика с зубочисткой? Понадобится, и я скручу в бараний рог и его, и тебя!

— Ты сам сюда пришел, — добавив в голос холода, напомнил я ему. — Не хочешь конструктивного разговора? Тогда иди вон! Но знай: в таком случае можешь больше ни о чем меня не просить. — Заметив, что отец открыл рот, чтобы что-то сказать, я перебил его: — Ни о посещении нужных тебе балов, ни о встречах с какими-то людьми, ни о чем-то другом.

— Я твой официальный опекун до совершеннолетия, — произнес отец настойчиво. — Так что будешь делать то, что я скажу!

— Ты кое в чем прав, — произнес я таким же тоном. — Ты мой *официальный* опекун. Но юридически не значит фактически! Тебе не удастся заставить меня делать то, что я не хочу. А при необходимости через год или два я пройду обряд эмансипации. Стану совершеннолетним и буду сам определять свою судьбу.

Глаза отца налились тьмой.

— Ты в этом уверен?

— Более чем! — в ответ произнес я, и мои глаза налились синим светом. — К тому же если попробуешь давить на человека, который спас наследника императора и других представителей боярских родов от смерти, то очень сильно пожалеешь. Будь уверен, я сумею воспользоваться этим обстоятельством и хорошенько тебе насолить.

— Как начал делать это сейчас? — спросил он. — Переманивая моих людей на свой завод?

— Ты уже знаешь и про это? — довольно улыбнулся я, так как Феофан оказался прав, и мы выкупили предприятие по первоначальной цене еще несколько дней назад. — Это отнюдь не месть. Это всего лишь легкое напоминание, что в ответ на твои неправильные действия я

тоже могу укусить. И мелкий завод мороженого — всего лишь мелочь. Пример.

— Тебе придется вернуть всех специалистов назад, — произнес отец.

— С какой это стати?! — спросил я. — Мы вообще-то живем в свободной стране. У родов больше нет холопов и крепостных. Рабство отменено! Так что эти люди совершенно свободны. Можешь попробовать вернуть их, но не думаю, что у тебя получится. Я предложил им намного лучшие условия.

— Это ты думаешь, что рабства нет, но ты слишком молод и тебе простительно такое заблуждение. Мы живем в то время, когда простолюдинам лучше не портить отношения с главой «золотого» рода. Это чревато серьезными последствиями. Возможно, и летального характера.

— Ты сам виноват, — нахмурился я. — Нечего было пытаться настроить Феофана против меня. Я считаю, что наши ответные действия — детские шалости. По сравнению с личностью наставника весь твой завод — всего лишь какой-то пшик. Слишком разные весовые категории. Так что воспринимай это как безболезненный урок.

— Еще никогда яйцо курицу не учило, — фыркнул отец. — Этим твоим уроком.

— Я не яйцо, а ты не курица, — покачал я головой.

Темников молчал, думая о чем-то своем. Я тоже.

«Да, куда-то не туда разговор заходит. Нужно как-то его успокоить, иначе мы только рассоримся и ни к чему не придем. А он мне еще нужен в некоторых моих планах».

— Знаешь, — протянул я задумчиво. — А ведь мне известен выход из сложившейся неприятной ситуации.

— И какой же? — спросил Темников.

— Ты просто продашь свой разваливающийся и по большому счету ненужный тебе завод мне. И нам не при-

дется конфликтовать. Отдашь мне ненужный актив, но конфликт будет исчерпан.

— Согласен, — совершенно неожиданно произнес отец. — Но на это ты потратишь одну из своих просьб.

«У меня осталось четыре из пяти, — вспомнил я цену, которую отец назначил за победу в споре с императором. — Первую просьбу я потратил на спасение Феофана и гарантии его неприкосновенности. А вторую, значит, на какой-то мелкий завод? Что же, возможно, так даже лучше. Это поможет мне хоть как-то их использовать. Удивлен, что отец пока следует своему слову».

— Хорошо, — согласился я. — Просьба — значит, просьба, но цена должна быть реальной, учитывающей стоимость производства и отсутствие ключевых специалистов, без которых все линии — всего лишь груда металлолома.

Где-то минуту отец молчал, выдерживая паузу, а затем сказал:

— Ладно, но тогда Феофан сейчас выйдет, и мы кое-что обсудим тет-а-тет.

Сообразив, что ситуация не выглядит настолько напряженной, как предполагалось изначально, я кивнул наставнику, и тот направился к двери. Однако, не взявшись за ручку, остановился и произнес:

— Если ты, Егорка, попробуешь чудить, то не выйдешь отсюда. Я тебе обещаю.

После того как Феофан ушел, отец посмотрел на меня.

— Я надеюсь, легкое заклинание, защищающее от прослушки, не заставит Феофана ворваться к нам с саблей наперерез? — спросил отец. — Я должен был убедиться, что на месте моего сына не чужак, — твердо произнес он и тут же добавил: — Но была и другая причина, по которой я поступил именно так и отравил Феофана, пытаюсь оттолкнуть его от тебя.